

Александр Ф. Скляр
«Воин учится плавать»

Татьяна КОСТЫГОВА

Лет эдак двадцать назад с трапа самолёта, прилетевшего из Москвы в Пхеньян, сошёл довольно необычного вида молодой человек в монгольских кожаных джинсах, явно великоватых кроссовках «адидас» и с гитарой под мышкой. Он выглядел бы своим в доску среди стильной молодёжи где-нибудь на московской тусовке (в те времена джинсы, даже монгольские, и «фирменные» кроссовки были чем-то вроде опознавательного знака для посвящённых), но, по мнению встречающих его официальных лиц из советского консульства, молодой специалист, дипломат, присланный по распределению МИДа, должен был согласно протоколу одеваться и вести себя несколько иначе. Молодому человеку сделали первое в его служебной карьере замечание. Джинсы, кроссовки и гитару пришлось убрать до лучших времён.

Саша Скляр попал в Северную Корею в общем-то случайно. Он окончил экономический факультет МГИМО, корейский язык знал слабовато, хоть и сдал не четвёрку какой-то экзамен. Но открылось консульство в одном из северокорейских городов и срочно понадобился молодой сотрудник. По мнению отдела кадров, Саша Скляр подходил наилучшим образом. Тщетно пытался он объяснить, что языком не владеет, что произошла ошибка. «В МИДе ошибок не бывает», — ответили ему.

Для большинства молодых людей в те годы заграникомандировка, даже в такую «непрестижную» страну, как Северная Корея, была воплощением самых смелых надежд и чаяний — валюта, материальное благополучие, возможность увидеть мир — ради этого можно было пожертвовать многим. Но Саша никогда не умел поступать «как все». Уже тогда он знал, что не нужны ему ни Корея, ни «загранка», ни дипломатическая карьера — только музыка. Ещё в школе он с упоением играл на гитаре, пел, подражая Высоцкому, а позже стал заниматься музыкой уже серьёзно, став широко известным в узких кругах модной молодёжи, только что открывшей для себя вкус запретного раньше рок-н-ролла. Но отказаться от распределения он не мог.

Три с половиной года в Корее были не лучшими в его жизни. Потрясал, как он потом говорил, «доведённый до абсурда социалистический идиотизм» корейского жизненного уклада вкупе с супержёстким контролем и прессингом со стороны системы как таковой.

— Я должен был научиться скрывать свои истинные чувства и эмоции, что чрезвычайно важно для взрослого человека. В Северной Корее я был очень одинок, мне там практически не с кем было по-человечески пообщаться. Зато прочитал множество книг, познакомился с восточной философией, которая стала мне очень близка. И ещё я понял, что с точки зрения творческого человека анархия лучше, чем любая форма тоталитарного правления, будь то капиталистическая форма американской модели или социалистическая форма моделей советской и корейской.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Корейское затворничество сформировало личность будущего музыканта. Воспитало в нём исключительную жизненную стойкость, определило то, с чем он никогда не сможет смириться, выработало твёрдую убеждённость в правильности выбранного пути.

В Москву вернулся уже совершенно другой человек. Внутренний выбор был сделан. Оставалось воплотить его в реальную жизнь. Заявление об уходе с дипломатической службы под каким-то благовидным предлогом было сделано и принято. Трудности начались дома. Интеллигентные, бесконечно его любящие и любимые им родители никак не могли смириться с тем, что единственный сын ломает успешно начатую карьеру и уходит в никуда, в музыку, которой в общем-то никогда серьёзно не учился. Нельзя же

считать основанием будущей профессиональной деятельности песенки под гитару! К слову сказать, отец долгие годы не принимал выбора сына, не слушал его музыку, лишь совсем недавно впервые пришёл на концерт. К счастью (Саша не любит, когда речь заходит о его личной жизни, но несколько слов всё же сказать необходимо), жена Лена всегда была на его стороне. Они вместе уже двадцать лет, сыну — пятнадцать. Так что тыл крепкий.

Сегодня Александр Ф. Скляр (Ф — Феликс, так зовут отца) — уважаемое в музыкальном мире имя. Своего рода легенда отечественного рока. Один из немногих, кто, не скатившись в «попсу», не пойдя на компромисс с нынешними хозяевами шоу-бизнеса, остаётся востребованным и популярным. Он руководитель созданной им рок-группы «Ва-банкъ», играет на гитаре, поёт — причём песни самого разного жанра. Композитор, поэт, автор нескольких детских книжек, многолетний ведущий одной из самых любимых молодёжью радиопередач. Постоянно появляются его новые записи, настолько не похожие друг на друга, что иной раз кажется — принадлежат разным авторам и исполнителям. А ещё сольные проекты, совместные концерты с ведущими нашими музыкантами «серьёзных» жанров... Поистине редкая творческая активность.

Все, кто знает Александра Скляра, отмечают, что это очень естественный человек, для которого сценический образ является гармоничным продолжением личного существования. Он никого не пускает в свою частную жизнь, не переносит модные тусовки, всяческую шумиху и рекламу. Читает весьма серьёзные книги, в том числе и по восточной философии. Любит японскую поэзию и кинематограф, книги про путешествия, стихи и песни Вергинского, цыганские романсы. Уже много лет бреет голову, носит чёрные джинсы и куртки. И при этом поражает отточенной изысканностью манер, выразительной правильностью речи и ещё тем, что сейчас называют харизмой, а раньше — обаянием, тем неуловимым качеством личности, которое с первых же минут общения пленяет собеседника и, думается, любую аудиторию, как бы широка она ни была.

Во всяком случае, такой внимательной, преданной и, разумеется, многочисленной аудитории, которую получил Скляр благодаря своей знаменитой радиопередаче «Учитесь плавать», вряд ли может похвастаться кто-то из его коллег по профессии, даже самых именитых. Вокруг этой передачи сплотились молодые люди, которых объединяла не только любовь к современной музыке, но и определённые жизненные принципы — отказ от вредных привычек, стойкое, принципиальное неприятие наркотиков, алкоголя, уважение к здоровому образу жизни. Скляр, единственный автор и ведущий программы, за 10 лет её существования на радио (срок поистине небывалый, достойный Книги рекордов Гиннеса), стал идеологом массового движения, объединившего здоровую часть творческой молодёжи, которая не хочет плыть по течению и учиться плавать самостоятельно, активно отвоёвывая жизненное пространство.

— Начиналась моя программа на Радио-Максимум, теперь выходит на Станции-2000. Конечно, всё изменилось за эти годы: и приоритеты в музыке, и мои слушатели, и я сам. Сейчас я вряд ли осмелился бы взять на себя ответственность выступать в качестве пропагандиста, даже во имя такой высокой цели, как здоровый образ жизни, — говорит Александр Скляр. — Я как бы вырос из этого и с возрастом всё яснее понимаю, что искусство никого и ничему не может научить, каждый должен всё решать и делать сам.

Но так же верно и то, что человеку надо помочь, дать хотя бы один шанс.

Идея передачи трансформировалась со временем. Сначала я просто хотел дать возможность людям слушать и понимать некоммерческую, неформальную музыку, сам выбирал записи, сам их комментировал, рассказывал об авторах и исполнителях, наших и зарубежных. В эфир шло только то, что мне самому нравилось, — это был основной принцип, который не изменился по сей день. Но просто крутить чужую музыку было неинтересно. Постепенно образовался устойчивый круг ребят, которые приносили пластинки, предлагали собственные работы — и мы их обсуждали, старались найти и поддержать самые яркие, талантливые.

Повторяю — в те годы это была чуть ли не единственная возможность для любителей такого рода музыки быть в курсе того, что происходит в мире, других послушать и себя показать. Потом, слава Богу, железный занавес несколько поизносился, к нам стали приезжать западные музыканты, многих мы приглашали на свою передачу, слушали и анализировали их работы. Потом наших музыкальных команд стало так много, что стало возможно выпускать сборники, устраивать широкие фестивали музыкально-спортивной ориентации, встречаться не только в эфире, но и лично.

К нам стекалась талантливая молодёжь со всей страны (понятно, что я имею в виду тех, кто увлекался неформальной, экстремальной музыкой — именно они составляли круг наших единомышленников). Ребятам остро были необходимы две вещи: информация и общение. У нас они получали и то, и другое, а заодно «учились плавать», впитывали жизненные принципы, которые мы считали для себя необходимыми.

К сожалению, и поныне для многих экстремальная музыка, тем более рок, ассоциируется с наркотическим опьянением и разнузданностью.

Примеров тому много. Но нельзя через наркотики достичь свободы и полноты творческого воплощения. Нельзя даже просто шутить, заигрывать с этой опасной темой — называть так альбомы, допускать проникновение наркотических образов в свои тексты. В творчестве не бывает ничего случайного. Мы сами готовим своё будущее предыдущей деятельностью.

Я твёрдо убеждён: чем талантливее, крупнее художник, тем тяжелее груз моральной ответственности, который лежит на его плечах... «Остановим безумие» — так называется добровольное международное общество западных музыкантов, которые в борьбе с наркотиками действуют только личным примером. Теперь к ним присоединились и мы.

Ещё один принцип наших фестивалей — неприятие всех форм экстремизма. На пластинках с грифом «Учитесь плавать» даже стоит значок: человечек кидает в урну свастику. Ну, а отсюда естественным образом вытекало и всё прочее: забота о здоровье души и тела, отказ от вредных привычек, стремление разумно построить свою жизнь, отдавая всего себя творчеству. Те, кто не разделял наших взглядов, не могли войти в «команду», как бы талантливы они не были.

В фестивалях «Учитесь плавать» участвовали десятки начинающих музыкантов. Для некоторых это стало началом будущей профессиональной деятельности, они успешно работают, выпускают свои пластинки, выступают по сей день. Другие так и остались любителями. Третьи (их, конечно, большинство) «переросли» юношеское увлечение, занимаются иными делами, но это было в их жизни и навсегда их изменило, сделало, смею думать, лучше и чище.

Передаче, как уже сказано, 10 лет. Я сам стал на 10 лет старше. По всем раскладам это большой период в жизни человека. Я ведь не только «учил плавать», но и учился сам, продолжал заниматься своей музыкой, активно жил, работал. И сейчас, продолжая выходить в эфир, понимаю, что возрастной разрыв между мною и моей аудиторией возрастает с каждым годом.

Наивно думать, что человек, который в 14 лет увлекался экстремальной музыкой, продолжает её слушать в 20 и тем более в 30. Ему уже нужна другая музыка — если вообще нужна. Это я такой неправильный, что мне в мои 43 года по-прежнему дорог крутой рок. Обычному взрослому человеку он чужд и даже неприятен. Думаю, за время существования передачи сменилось не менее трёх поколений слушателей. 14–18-летние — вот моя аудитория. Подрастают всё новые любители нашей музыки, так что, думаю, есть кому «учиться плавать» и передачу рано сдавать в архив — надо только стараться, чтобы она была созвучна времени, не обветшала, не выглядела старомодной в глазах новых поколений.

Роль музыки в жизни человека 14–18 лет чрезвычайно велика. И очень важно, какую именно музыку слушает он в этот период. Музыка — весьма тонкая субстанция, способная оказывать влияние на всю психофизическую структуру человека, не только на сознательном, но и на бессознательном уровне. И если человек в период взросления впитывает в себя какой-то определённый вид музыки, если именно этот вид становится ему близок и даже необходим — вполне возможно, что выбор, даже неосознанный, окажет соответствующее воз-

действие на его становление, на его дальнейшую судьбу.

— **Вы говорите о музыке особого толка, так называемой экстремальной, которой вы занимаетесь сами и которая звучит в вашей передаче?**

— Те молодые люди, которые слушают мою передачу и составляют её постоянную аудиторию, нуждаются именно в такой музыке. Но я вовсе не заблуждаюсь и не думаю, что это подавляющая часть современной молодёжи — конечно же, нет. У каждого — свой выбор. Вообще музыка в молодёжной среде сегодня носит клановый характер. Вкусы тех, с кем общается подросток, обычно определяют, какую музыку предпочитает слушать и он сам. Это может быть рок, экстремальная музыка, лёгкая, попсовая, дворовая, танцевальная — какая угодно. И хорошая, и плохая. Классическая — вряд ли, если не брать в расчёт ребят со специальным музыкальным образованием, тех, на кого сильное влияние оказывают профессия и образ жизни родителей, кто воспитан в музыкальной среде, как и его сверстники, его постоянная среда обитания. Классика в массовом сознании далека от нынешних ритмов жизни. Можно любить её, знать, но вряд ли она становится основным элементом, идущим по жизни рядом с сегодняшним подростком, бок о бок с ним — так, как это удаётся современной музыке, даже не самого высокого пошиба.

К тому же мы, современники, в массе своей относимся к музыке всё более утилитарно, она является некой сопутствующей нам частью общего развлекательного процесса — как телевизор или видик, как глянцевого журналы, крутые детективы или любовные романы. К сожалению, сегодня музыка не оказывает того магического воздействия на умы и души людей, которое должна бы оказывать по своему предназначению. И всё же музыка — это музыка! Внешне, может быть, и не оказывает воздействия, а внутренне очень даже оказывает, больше, чем прочие виды развлекательной массовой культуры.

— **А какую музыку выбирает ваш пятнадцатилетний сын?**

— Он слушает нашу передачу, интересуется новыми пластинками. Но истинные его музыкальные пристрастия сосредоточены на той музыке, под которую легко, удобно и весело кататься на доске. Он страстно любит скейт-борд и предпочитает группы, помогающие, а не мешающие ему и его приятелям предаваться этому занятию.

— **Мы всё время говорим — рок, экстремальная музыка. Что это такое? Как определить, чтобы было понятно не только «продвинутым» подросткам, но и их консервативным учителям и родителям?**

— Что такое рок — ответить трудно, даже люди, профессионально работающие в этом жанре, затрудняются с ответом. Я для себя выработал такую формулировку: суть и эстетическая задача рок-н-ролла в его определённой социальной направленности, в социальной неангажированности и протесте против социального террора социума. Сложновато? Простите, иначе сказать не могу. Что же касается экстремальной музыки, составной частью которой является рок, то в самых общих чертах — это то, что не крутится с утра до ночи в эфире коммерческих радиостанций и телепрограмм и не приносит денег рекламодателям. Не секрет, что сегодня мир погряз в материализме и возможность музыке звучать в эфире зависит от чисто экономических показателей. Определение грубое, но достаточно точное. Конечно, качественные параметры тоже как-то учитываются, и всё же существуют и всегда существовали как бы основная музыка — и музыка периферийная. Так вот, экстремальная музыка разрабатывает периферийные направления современного музыкального потока. Меня, по моим пристрастиям и склонностям, интересует рок. Но даже классическая музыка может быть в какие-то периоды экстремальной, не приниматься массовым слушателем. Думаю, Вагнер, Моцарт, Вивальди в своё время тоже были экстремалами, не говоря уж о нынешних классиках — Шостаковиче, Шнитке, Денисове... Экстремален не столько вид музыки и тем более жанр, сколько состояние души автора, его активное неприятие социального заказа и, как я уже сказал выше, — протест против интеллектуального террора социума. Экстремальность может проявляться в цыганском романсе, в блатных песнях, в песнях Высоцкого. Некоторые музыковеды вообще считают Высоцкого чуть ли не основоположником рока, поскольку ему, как никому другому, удалось обнажить, довести до высочайшей степени накала такие чувства, как

любовь и ненависть, страсть, нежность, отчаяние, боль.. Я тоже очень люблю и уважаю творчество Высоцкого (как, кстати, и его музыкальных предшественников — Алешу Дмитриевича, Вертинского и других), но всё же считаю, что у современного рока не одно лицо, а много разных. Мне как музыканту особенно близка музыка молодёжно ориентированная и притом жёсткая, бескомпромиссная. Такая музыка звучит в моей передаче. Такую, смею надеяться, я пишу сам.

В конце восьмидесятых рок у нас ещё только начинался, никто толком не знал, что это такое, но очень хотелось попробовать свои силы, выразить то новое, волнующее, что ощущалось в воздухе. Это был замечательный период поисков и революций, весьма бурный и, увы, весьма быстро закончившийся. Мне повезло, я пришёл как раз вовремя, не раньше и не позже. Вообще-то я шёл к осознанию новой музыки достаточно давно, ещё со школьной скамьи, пытался её играть, даже что-то сочинял. Тогда многие этим увлекались, с возрастом у них это прошло, а вот у меня не прошло. Вернувшись из Кореи, а это было в 84-м году, я уже точно видел своё будущее предназначение — простите за высокий стиль, но тогда я думал именно так. Два года ушло на то, чтобы разделаться с собой прежним и начать себя нового. Тогда и родился наш «Ва-Банкъ» — рок-группа, которая существует по сей день. В те годы вообще наблюдался небывалый всплеск творческой активности. Появилось множество интересных групп, может быть, не очень хорошо музыкально подготовленных, но самобытных, современно мыслящих, желающих выделиться, заявить о себе. Увы, иных уж нет, а те далече, как сказал поэт. Многие имена, гремевшие тогда, теперь и не вспомнишь. Самый выдающийся из нас, талантливейший Пётр Николаевич Мамонов, создавший замечательную группу «Звуки Му», которая долгое время была для меня образцом, своего рода учебником новой музыки, ушёл из активной жизни, стал отшельником, занимается только театром. А вот «Алиса» жива, как и «Наутилус Помпилиус», «ДДТ» и другие звёзды восьмидесятых — они повзрослели, во многом изменились, но по-прежнему работают, их знают, любят. Прошла молодость российского рок-н-ролла, прошла и наша молодость. Нынешний рок стал внутренне спокойнее, как-то приглаженнее, нет в нём прежней отчаянной стихийности и бунтарства. Взошли другие имена, выросло новое поколение. Нынешние музыканты живут и работают совсем в иных условиях. Им можно то, что нам запрещали. Им не надо разбивать лбы, пытаюсь выразить свою творческую сущность. Для них открыт весь мир. Я знаю этих ребят — многие выросли на наших «уроках плавания», а теперь отправились в самостоятельный путь. Корнями они — в моём поколении, они наши ученики, но уже теснят нас, и это правильно. Останавливаться нельзя не им, молодым, не нам. Особенно нам.

— **Саша, вы сейчас успешно пробуете себя в разных жанрах, выступаете с интересными сольными проектами — и при этом не оставляете свой любимый рок, по-прежнему работаете с рок-группой «Ва-Банкъ», пишете музыку и тексты, выпускаете новые пластинки, концертуете. Чем объяснить такую верность первой любви?**

— Тем, что это любовь. Рок-музыка очень много для меня значит, даёт особые энергетические силы, которые позволяют делать то, что я делаю совсем в других областях. Без рока я слабее, мир вокруг лишается многих красок и наоборот — увлечение другой, более серьёзной музыкой благотворно, на мой взгляд, сказывается на выразительных возможностях рока.

Рано или поздно в жизни каждого музыканта (а также литератора, художника, артиста и так далее) наступает период, когда его уже не устраивает то, что он делал в начале своей деятельности. С мелких форм он стремится перейти на крупные, от простых партий — к сложным. Вот и я от лёгкого жанра понемногу продвигаюсь к более серьёзному. У меня нет классического музыкального образования — только начальное. Меня не учили петь, я не изучал специально цыганские песни, русский романс, танго. Но по мере того, как я живу и работаю, музыка такого рода становится мне всё интереснее и ближе.

Да, я стал известен именно как рок-музыкант. Но я не могу и не хочу оставаться в плену у своих фанатов, держаться за то, что когда-то мне удавалось. Я стал старше, во многом изменился и, естественно, расширяю свой репертуар, меняю амплуа соответственно возрасту и требованиям времени.

Одна за другой появляются пластинки и альбомы «нового Скляра»: «Цыганский рок-н-ролл», «По направлению к танго» и другие, много других. На своих сольных концертах «крутой», агрессивный рокер выступает как мягкий, романтичный вокалист, которому близки изысканный Вертинский, жестокий цыганский романс, песни Высоцкого и Утёсова — то, что никак не укладывается в привычный контекст эстетики группы «Ва-Банкъ». Что произошло? Остепенился? Пригладился? Постарел? Сам Скляр не видит в этом ничего особенного.

— Искусство всегда подразумевает возможность эксперимента, и потому оно живо. Если музыкант играет свою музыку, почему бы ещё не спеть хорошие старые песни? Эти песни — часть великой русской культуры. Мои корни, на которых я вырос, которые впитались в мою кровь. И теперь я как бы заново их открываю, подбираюсь к ним в силу вкуса, возраста и мастерства.

Позволим себе процитировать одно из интервью Александра Скляра, данных серьёзному музыкальному журналу: «В творчестве ставить точку нельзя. Музыка — это дело, которое, будучи один раз выбрано, начинает с тобой взаимодействовать, как живой организм. Музыка — абсолютно живое существо, и от того, что её нельзя пощупать, она не становится менее живой. Музыкант творит музыку только в такой степени, как музыка творит музыканта».

— Я и сейчас готов повторить эти слова. Через музыку я пытаюсь найти гармонию внутри себя. Ведь новый материал — это своеобразный поход в неведомое, погружаясь в него, тоже учишься плавать — на этот раз сам и для себя. А когда что-то в творчестве делаешь для себя — получается самое интересное. Больше того, творчество — всегда для себя и уж потом для других. У искусства своя арифметика. Счастлив художник, если его работа нужна и интересна другим. Если нет — он, конечно, несчастлив, но созданное им не менее ценно. Великий Ван Гог, например, всю жизнь работал только для себя, а потом оказалось, что именно в этом его величие и необходимость людям. Но Ван Гог остался бы великим художником, даже если бы никто не увидел его картин. Он рисовал не потому, что хотел денег и признания. Он просто не мог по-другому существовать. Любой творческий человек это понимает. И только поэтому он остаётся творческим человеком.

— Ваши друзья и ученики называют вас Воином и ваш путь в искусстве рассматривают как некую разновидность воинского поединка. Говорят, что ваши принципы — постоянное самоограничение, самодисциплина и самосовершенствование — входят в кодекс правил средневекового самурая.

— Думаю, в этом повинно моё многолетнее увлечение восточной философией и поэзией. Я всем моим близким надоел с этими разговорами. Действительно, для восточного менталитета, японского в частности, типично сравнение художника и воина, путь художника и путь воина всегда рядом, тесно связаны между собой. И не потому, что средневековый воин, как правило, владел не только воинским искусством, но ещё искусством чайной церемонии или каллиграфии, играл на музыкальных инструментах, писал стихи. Восточные философы усматривали здесь более глубокую связь: невозможно постижение пути меча без просветления, а просветления нет без красоты, без занятий искусством.

Чем дальше, тем острее я ощущаю себя в ситуации воинского поединка на сцене. Случается такое и во многих житейских ситуациях, когда надо собраться и сражаться до конца за то, во что веришь. Это очень внутреннее, личное состояние, которое трудно чётко сформулировать. Началось с игры, с фильмов и книг, а потом стало чем-то вроде религии. Я понял, что жизнь воина — это путь. У каждого свой, двух одинаковых не бывает. Ты должен в какой-то момент осознать уникальность своего пути и понять, кто ты и зачем был создан. Это необходимо и в жизни, и в творчестве. Чем дальше, тем больше, потому что моя жизнь — творчество, а творчество — это жизнь.

В конце зимы в Москве состоялся необычный концерт, который привлёк живое внимание всех, кто так или иначе интересуется музыкой: знаменитый Российский государственный академический камерный «Вивальди-оркестр» под руководством

Светланы Безродной и рок-группа «Ва-Банкъ» с неизменным своим лидером Александром Ф. Скляром и приглашёнными им музыкантами предложили совместный проект: «Вивальди-танго. Игра ва-банк». Концерт, вернее, музыкальный спектакль был посвящён танго, представленному не только как танец любви и страсти, но прежде всего как целый культурный пласт нашей жизни, затронувший, втянувший в свою орбиту самые разные музыкальные школы, течения, жанры. Александр Скляр всегда мечтал петь на сцене с настоящим оркестром — он получил такую возможность. Народная артистка Светлана Безродная и её коллеги, воспитанные на высоких образцах классической музыки, хотели изменить свой привычный имидж — им это удалось. Два начала — женское, нежное и лирическое, и мужское, чуть грубоватое, брутальное, соединились в искренней любви к танго, к ритмам и мелодиям далёкого и совсем недавнего прошлого. Контраст был во всём — вечерние платья скрипачек и хипповые майки рокеров. Утончённо красивая, женственная Светлана Безродная — и не улыбка Скляр в чёрных очках и шляпе. Но удивительное дело: классический жанр не спорил тоже с классическим — но песенным, они как бы шли навстречу друг другу, рождая совсем новое, особое качество звучания. Прекрасные мелодии Антонио Вивальди и других мастеров сливались в единое целое с бесхитростными шлягерами, под которые наши бабушки и дедушки, отцы и матери, да и мы сами танцевали, влюблялись, радовались и страдали. Скляр пел всем знакомые танго Лещенко, Утёсова, Вертинского, пел песни нового времени, в том числе свои песни из репертуара «Ва-Банка» — в ритме танго, разумеется, другая музыка в этот вечер не допускалась в ГЦКЗ «Россия». И переполненный зал, как один человек, отзывался на голос музыки, что-то вспоминал, о чём-то грустил, чему-то улыбался. И были слёзы на глазах — как же без них, когда звучат старые танго, когда знаешь наизусть слова и с каждым связано что-то своё, личное.

«Прекрасный концерт, жаль, всё портили эти безумные рокеры» — говорила уже в гардеробе своему спутнику дама средних лет. «Оторвались ребята, жаль, мешали дамочки со скрипочками» — другая точка зрения, тоже имеющая право на существование. И ещё одно мнение, принадлежащее на этот раз лицу, наиболее заинтересованному, самому Скляру:

— Что-то у нас со Светланой Борисовной получилось, что-то не совсем. Как и положено первому блину. Но идея, нам кажется, перспективная. Ушло то поколение, с которым связан расцвет русской песенной романсовой культуры. Как удержать эти золотые нити? Как дать новое звучание старым, известным мелодиям, чтобы они не превратились в общее место? Мы попробовали это сделать и, дай Бог, не в последний раз.

Один из самых уважаемых Александром Ф. Скляром артистов, Александр Николаевич Вертинский как-то сказал Зиновию Гердту: «Талант — это только пропуск в тот мир, где пребывают мастера». Скляр любит цитировать эти слова. Он знает: пропуск у него есть. Остальное покажет время. Пока же он не устаёт учиться плавать, как велит долг воина и художника.